

✧
Скотный Двор
Эссе

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
О-70

Серия «Зарубежная классика»

George Orwell
ANIMAL FARM
ESSAYS

Перевод с английского

Компьютерный дизайн Е. Фerez

Печатается с разрешения The Estate of the late
Sonia Brownell Orwell
и литературных агентств А М Heath & Co Ltd.
и Andrew Nurnberg

Оруэлл, Джордж.

О-70 Скотный Двор. Эссе : [сб., пер. с англ.] /
Джордж Оруэлл. — Москва : Издательство АСТ,
2016. — 256 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-094804-8

В книгу включены не только легендарная повесть-притча Оруэлла «Скотный Двор», но и эссе разных лет — «Литература и тоталитаризм», «Писатели и Левиафан», «Заметки о национализме» и другие.

Что привлекает читателя в художественной и публицистической прозе этого запретного в тоталитарных странах автора?

В первую очередь — острейшие проблемы политической и культурной жизни 40-х годов XX века, которые и сегодня продолжают оставаться актуальными. А также объективность в оценке событий и яркая авторская индивидуальность, помноженные на истинное литературное мастерство.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-094804-8

© George Orwell, 1945, 1938–1949

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Предисловие к украинскому изданию «Скотного Двора»*

Меня попросили написать предисловие к украинскому переводу «Скотного Двора». Я понимаю, что пишу для читателей, о которых ничего не знаю, да и они, по всей вероятности, ничего не слышали обо мне.

Скорее всего они ожидают, что в предисловии я расскажу о том, как возник «Скотный Двор», но прежде я хотел бы рассказать кое-что о себе и о том, как я пришел к моей теперешней политической позиции.

Я родился в 1903 году в Индии. Мой отец служил там в английской администрации, и семья моя была обычной семьей среднего класса, такой же, как другие семьи военных, священников, правительственных чиновников, учителей, адвокатов,

---

© Перевод. В. Гольшев, 2010.

* Это предисловие написано для издания, которое распространялось украинской организацией перемещенных лиц в Мюнхене.

врачей и т.д. Я учился в Итоне, самой дорогой и снобистской из английских закрытых частных школ. Но попал я туда только потому, что получил стипендию, — иначе отцу было бы не по карману отправить меня в такую школу.

Вскоре после ее окончания (мне еще не исполнилось двадцати лет) я отправился в Бирму и поступил в Индийскую имперскую полицию. Это была военизированная полиция, род жандармерии, наподобие испанской *Guardia Civil* или *Garde Mobile* во Франции. Я прослужил в ней пять лет. Служба мне не нравилась, и я возненавидел империализм, хотя в то время националистические настроения в Бирме не очень ощущались, и отношения между англичанами и бирманцами были не особенно плохими. В 1927 году, во время отпуска в Англии, я подал в отставку и решил стать писателем. Стал писать, но поначалу без особого успеха. В 1928—1929 годах я жил в Париже, писал рассказы и романы, которые никто не хотел печатать (потом я все их уничтожил). В последующие годы я едва сводил концы с концами и несколько раз голодал. Зарабатывать на жизнь своими писаниями я стал лишь с 1934 года. А до тех пор иногда месяцами жил среди бедной и полукриминальной публики, которая обитает в худших частях бедных районов или промышляет на улицах воровством и попрошайничеством. В то время я общался с ними вынужденно, из-за недостатка денег, но позже их образ жизни очень заинтересовал меня сам

по себе. Много месяцев я провел за изучением (на этот раз систематическим) условий жизни шахтеров на севере Англии. До 1930 года я не считал себя социалистом. У меня не было четко определенных политических взглядов. Я стал склоняться к социализму скорее из отвращения к тому, как угнетают и игнорируют беднейшую часть промышленных рабочих, чем из теоретического восхищения плановым обществом.

В 1936 году я женился. Чуть ли не в ту же неделю началась гражданская война в Испании. Мы с женой оба хотели поехать в Испанию и воевать на стороне испанского правительства. Через шесть месяцев, как только я закончил книгу, мы туда отправились. В Испании на Арагонском фронте я провел почти полгода — пока фашистский снайпер в Уэске не прострелил мне горло.

На ранних этапах войны иностранцы, в общем, не знали о внутренних конфликтах между разными политическими партиями, поддерживающими правительство. Благодаря ряду случайностей я вступил не в Интернациональную бригаду, как большинство иностранцев, а в ополчение POUM — то есть испанских троцкистов.

И вот в середине 1937 года, когда коммунисты получили контроль (или частичный контроль) над испанским правительством и начали охоту на троцкистов, мы с женой оказались в числе ее жертв. Нам повезло: мы выбрались из Испании живыми и даже ни разу не были арестованы. Мно-

гих наших друзей расстреляли, другие подолгу просидели в тюрьмах или просто исчезли.

Эта охота за людьми в Испании проходила одновременно с большими чистками в СССР и была как бы их дополнением. В Испании и в России обвинения были одни и те же (а именно сговор с фашистами), и, что касается Испании, у меня были все основания считать, что обвинения эти ложные. Это был наглядный урок: он показал мне, насколько легко тоталитарная пропаганда может управлять мнением просвещенных людей в демократических странах.

Мы с женой видели, как ни в чем не повинных людей бросают в тюрьму только потому, что подозревают их в неортодоксальности. Однако по возвращении в Англию мы обнаружили, что множество разумных и хорошо информированных наблюдателей верят в самые фантастические сообщения газетчиков о заговорах, изменах и вредительстве, якобы вскрывшихся на московских процессах.

И я понял яснее, чем когда бы то ни было, до какой степени плохо влияет советский миф на западное социалистическое движение.

Здесь я остановлюсь, чтобы объяснить мое отношение к советскому режиму.

Я никогда не был в России, и все мои знания о ней ограничиваются тем, что я прочел в книгах и газетах. И будь у меня такая возможность, я все равно не захотел бы вмешиваться во внутренние

советские дела: я не стал бы осуждать Сталина и его соратников только за их недемократические и варварские методы. Вполне возможно, что при том положении, в каком находится страна, они не могли вести себя иначе, даже имея самые лучшие намерения.

Но с другой стороны, для меня было крайне важно, чтобы люди в Западной Европе увидели советский режим таким, каков он есть. С 1930 года я не видел почти никаких признаков того, что СССР движется к социализму в истинном смысле этого слова. Напротив, по всем приметам он превращался в иерархическое общество, где у правителей так же мало оснований отказаться от власти, как у любого другого правящего класса. Кроме того, рабочие и интеллигенция в такой стране, как Англия, не могут понять, что сегодняшней СССР сильно отличается от того, чем он был в 1917 году. Отчасти они и не хотят этого понимать (то есть хотят верить, что где-то действительно существует социалистическая страна), а отчасти, привыкнув к сравнительной свободе и умеренности в общественной жизни, просто не могут себе представить, что такое тоталитаризм.

Но надо помнить, что Англия не вполне демократическая страна. Это к тому же страна с большими классовыми привилегиями (и даже сейчас, после войны, которая несколько всех уравнила, с огромным разрывом в доходах). Тем не менее это страна, где люди несколько веков жили, не зная

гражданской войны, где законы относительно справедливы, где официальным известиям и статистике почти всегда можно верить и, наконец, где меньшинство может иметь и выражать собственные взгляды, не подвергаясь смертельной опасности. В такой атмосфере обыватель не способен понять, что такое концентрационные лагеря, массовые депортации, аресты без суда, цензура и прочее. Все, что он читает о такой стране, как СССР, автоматически переводится в английские понятия, и он наивно принимает на веру выдумки тоталитарной пропаганды. До 1939 года и даже позже большинство английского народа не имело представления о подлинном характере нацистского режима в Германии, а теперь находится под властью таких же иллюзий насчет советского режима.

Это принесло большой вред социалистическому движению в Англии и серьезно повлияло на английскую внешнюю политику. По моему мнению, ничто так не исказило первоначальную идею социализма, как вера в то, что Россия — социалистическая страна и всем действиям ее властей надо если не подражать, то находить оправдание.

Так за последние десять лет я убедился, что если мы хотим возродить социалистическое движение, то советский миф должен был разрушен.

Вернувшись из Испании, я решил разоблачить советский миф с помощью истории, которая может быть понятна почти каждому и легко пере-

ведена на другие языки. Однако конкретные детали истории мне не давались, пока однажды (я жил тогда в деревеньке) я не увидел мальчика лет десяти, который гнал по узкой тропинке громадную упряжную лошадь и хлестал ее всякий раз, когда она хотела свернуть. Мне пришло в голову, что если бы такие животные осознали свою силу, мы потеряли бы над ними власть, и что люди эксплуатируют животных примерно так же, как богатые эксплуатируют пролетариат. Я стал анализировать теорию Маркса с точки зрения животных. Им ясно, что представление о классовой борьбе между людьми — чистая иллюзия, ибо, когда надо эксплуатировать животных, все люди объединяются против них: подлинная борьба идет между людьми и животными. Отправляясь отсюда, уже нетрудно было сочинить историю. Я не садился ее писать до 1943 года, потому что все время был занят другой работой, не оставлявшей мне времени; а в конце концов включил некоторые события, например, Тегеранскую конференцию, которые происходили, когда я уже писал. Так что основные контуры повести я держал в голове шесть лет, прежде чем взялся за перо.

Комментировать повесть я не хочу; если она не говорит сама за себя, значит, она не удалась. Но хотел бы сделать два замечания: во-первых, при том, что многие эпизоды взяты из реальной истории русской революции, они представлены схематично и хронологический порядок их изме-

нен; этого требовала симметрия повествования. И второе, упущенное из виду большинством критиков, возможно, потому, что я недостаточно это выделил. Кое-кто из читателей может закрыть книгу с впечатлением, что заканчивается она полным миром между свиньями и людьми. Мой замысел был не таков; наоборот, я намеревался закончить на громкой ноте несогласия, потому что дописывал повесть сразу после Тегеранской конференции, закрепившей, как всем казалось, наилучшие отношения между СССР и Западом. Лично я не верил, что такие хорошие отношения сохранятся надолго, и, как показали события, не очень ошибся...

Март 1947 г.

Скотный Двор

Сказка-аллегория

Глава I

Мистер Джонс, хозяин Господского Двора, запер на ночь курятник, но про лазы для молодняка спьяну забыл. Фонарь в его руке ходил ходуном, круг света метался из стороны в сторону, когда он, выписывая вензеля, прошел к черному ходу, скинул сапоги, нацедил в кладовке свою последнюю в этот день кружку пива из бочки и залез в кровать, где уже задавала храпака миссис Джонс.

Едва в спальне погас свет, во всех службах слышались шорох и шуршание. Днем прошел слух, что старику Главарю, призовому хряку средней белой породы, прошлой ночью приснился удивительный сон и он хочет рассказать о нем животным. Договорились, как только мистер Джонс уберется восвояси, собраться в большом амбаре. Старика Главаря (его всегда называли так, хотя выставлялся он под кличкой Краса Уиллингдона) на ферме почитали, и все охотно согласились недоспать час, лишь бы послушать его.

В глубине амбара на чем-то вроде помоста под свисающим с матицы фонарем раскинулся на охапке соломы Главарь. Ему стукнуло двенадцать, и хотя за последние годы он огрузнел, но был по-прежнему величав, мудрого и благожелательного облика этой свиньи не портили даже неподпиленные клыки. Вскоре начали стекаться другие животные, они долго возились, стараясь расположиться — каждое на свой лад — поудобнее.

Первыми прибежали три собаки: Ромашка, Роза и Кусай, за ними притрусили свиньи — эти разлеглись перед помостом на соломе. Куры взгромоздились на подоконники, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы поместились позади свиней и принялись за свою жвачку. Боец и Кашка, пара ломовых лошадей, пришли вместе, они неторопливо пробирались к помосту, долго искали, куда бы ступить, чтобы невзначай не раздавить копытом с косматой щеткой снующую в соломе мелюзгу. Кашка была дебелая сердобольная кобыла не первой молодости, сильно отяжелевшая после четвертого жеребенка. Боец, могучий коняга чуть не двухметрового роста, силой превосходил двух обычных коней, вместе взятых. Из-за белой отметины на храпу он казался глуповатым, да и впрямь умом не блистал, но его почитали за стойкость и неслыханное трудолюбие. Вслед за лошадьми прискакали белая коза Мона и ослик Вениамин. Вениамин был старше всех на ферме годами и хуже всех нравом. Он

больше помалкивал и молчание нарушал, только чтобы отпустить какое-нибудь циничное замечание — к примеру, заявлял, что Господь Бог дал ему хвост, чтобы отгонять мух, но он лично обошелся бы без хвоста и без мух. Он один из всей скотины на ферме никогда не смеялся. И если у него допытывались почему, отрезал: не вижу, мол, повода. При всем при том он был предан Бойцу, хотя никак этого не выказывал, и по воскресеньям они обычно паслись бок о бок в загончике за садом, щипали траву, но разговаривать не разговаривали.

Едва лошади улеглись, как в сарай гуськом прошествовал выводок отбившихся от матери-утки утят, они слабо попискивали и шныряли из стороны в сторону, выискивая местечко, где бы на них не наступили. Кашка огородила их передней ногой, они отлично устроились за ней и тут же заснули. В последнюю минуту, жеманно семеня и хрупая куском сахара, явилась серая кобылка Молли, хорошенькая дурочка, возившая дрожки мистера Джонса. Она расположилась поближе к помосту и тут же принялась потряхивать гривой — ей не терпелось похвастаться вплетенными в нее красными лентами. Последней пришла кошка, огляделась по сторонам, привычно выбирая местечко потеплее, в конце концов втиснулась между Бойцом и Кашкой и блаженно замурлыкала — речь Главаря от начала до конца она пропустила мимо ушей.